

Спешивший ко мне человек не был похож на врача. Он что-то говорил и стремительно приближался, но я не мог разобрать ни его лица, ни голоса, однако с каждой минутой зрение потихоньку приходило в норму.

Лицо мужчины стало приобретать чёткость. Его глаза, нос, рот — всё встало на свои места. Со своим плохим зрением я мог разобрать только выделяющиеся черты. Спустя столько времени мои стандарты возросли, из-за чего почти все лица сливались с толпой. Мне запомнились лишь несколько: Хёндю, мама с отцом и, как бы я ни хотел это отрицать, тот человек из мафии.

Я думал, что в моих воспоминаниях так и останутся лишь эти пятеро, но теперь к ним присоединился шестой.

«Зачем он пришёл сюда? И почему теперь истерит?»

Появление этого человека, а уж особенно его рыдания мне настроение никоим образом не подняли. С этими постоянными всхлипами он выглядел так, будто узнал о своей кончине, а не о моём пробуждении. В подобных этому местах такой откровенный плач был редкостью. Неизлечимые пациенты с их роднёй довольно скоро принимали приближающуюся смерть и исчерпывали слёзы. Не то чтобы такие люди прекращали горевать, однако у них уже не оставалось сил демонстрировать свою грусть, а принятие как будто делало итог чуть менее мрачным.

А я...

Я никогда не горевал. Ни в прошлой жизни, ни в нынешней. До этого момента. Мужчина вцепился в мою руку. Я хотел убрать её, но сил хватило только на едва заметное шевеление пальцев. Мужчина понурил голову и сгорбился, будто бы в молитве, а его широкие плечи задрожали. Всё это казалось странно знакомым.

«Я его знаю?»

У него было довольно выразительное лицо, так что я вряд ли забыл бы его... И всё же что-то не давало мне покоя. Может, я действительно умудрился его забыть? С учётом уровня повреждений моего мозга неудивительно, если у меня уже начались какие-то проявления афазии или провалы в памяти. Паниковать смысла не было, но почему тогда я напрягся?

«Может, прекратишь плакать и дашь мне рассмотреть своё лицо?»

Если бы мужчина просто поднял голову, я бы смог его разглядеть, но тот, кажется, был полон решимости скрываться. Видимо, мужчина был слишком погружён в своё горе, чтобы обратить внимание прямо на меня. Неспособный говорить, я полностью сконцентрировался на своих пальцах. Сначала они просто подрагивали, затем начали сгибаться. Только когда я смог переместить их на тыльную сторону ладони мужчины, он вскинул голову.

«Ну что же, посмотрим...»

Я сфокусировал на нём размытый взгляд, но увиденное было за гранью моего понимания.

Его глаза. Такие яркие, словно в них запечатлено расплавленное золото солнца. Столкновение с этим сияющим взглядом было для моего сердца подобно взрыву. Я не хотел верить в то, что видел. И надеялся на то, что это простое недоразумение и ошибка с моей стороны.

«Всё кончено. Это конец».

В тот день я умер. Позаимствовавший чужую жизнь оказался низвергнут в пустоту одной аварией.

Я принёс много страданий тем, кто меня любил, и сам познал несчастье. Я никогда не желал Рая, поэтому выбрал пасть в Ад. И всё закончилось.

Но неужели это было только начало? Всего лишь прелюдия?

«Убейте меня», — обратился я к силе неизвестного происхождения, которая то и дело меня поддерживала. Должно быть, её обладатели могли меня слышать, хоть я и не произносил молитвы вслух. Голова закружилась. Будь это бог или дьявол, а может, какая другая сущность, но она определённо была той ещё гадостью.

«Прекратите эту дичь и просто добейте меня!»

Естественно, ответа не последовало. Как бы громко я ни кричал внутри, снаружи почувствовалось лишь напряжение в ослабленных мышцах. Когда я затрясся, меня обхватили за плечи. Я снова был вынужден посмотреть на мужчину, но мне этого не хотелось. Следовало бы закрыть глаза, но не получалось. Мне оставалось лишь беспокойно глядеть на него. Может, этому человеку удалось услышать мой немой крик, неслышимый даже мне. Его лицо исказилось в гримасе боли, и он прижался к моей груди, дрожа так же сильно, как я.

В этот момент сквозь мутный туман до моих ушей донёсся тихий голос:

— Брат... Братик Хваи...

Человек всхлипывал, пытаясь достучаться до меня, возвращая к реальности, которую я отчаянно отрицал. Я — Ю Хваи, тот самый злодей, из-за которого ты плакала.

«Чёрт побери...»

Только когда он перехватил мои дрожащие пальцы, я позволил себе прикрыть глаза.

* * *

— Братик, тебе неприятно?

Хёндо массировал мне ноги от стоп до бёдер ради стимуляции мышц. Из-за моей неспособности шевелиться это происходило каждый день. Каждый день его руки касались моего тела с головы до пят, и даже в душе он не гнушался касаться самых потаённых мест. Возможно, я бы и чувствовал неприязнь, если бы он делал это неуверенно или по нежеланию, но он, кажется, был вообще не против ухаживать за моим телом. Со мной обращались так бережно, будто я был хрустальной вазой. И всё же благодаря его скрупулёзному уходу моё тело, валявшееся без сознания аж девять лет, оставалось чистым и ухоженным.

Восстановление шло на удивление гладко: изначально я едва шевелил пальцами, но теперь мог без проблем держать ложку. Сила медленно возвращалась в мои икры и стопы, намекая на то, что я, вполне возможно, скоро пойду... Однако после ванной мои ноги были быстро привязаны к кровати за щиколотки ремнями. Следом пришла очередь рук. Прежде чем он успел приковать мою правую руку к кровати, я схватил его за запястье.

— Брат, — Хёндо запнулся, — тебе может быть некомфортно, но иначе нельзя.

Связывал мои конечности он отнюдь не без причины: я пытался покончить с собой. Хёндо дал мне вилку для фруктов, но я попытался воткнуть её себе в шею, хотя и был вовремя остановлен. Я был слишком беспечен. Стоило подождать, пока ко мне вернётся мобильность, и попытаться использовать более реальный метод. Моя жалкая попытка лишь укрепила бдительность брата.

Я уже не помнил, сколько недель прошло с того момента, как мою подвижность стали осознанно ограничивать.

После инцидента с вилкой Хёндо, впервые заметив недомогание, исследовал мои запястья. Из-за постоянного связывания ремнями вокруг них образовались тёмные синяки. Должно быть, с ногами была та же история, хотя я сам ничего не видел.

Хёндо заявил, что это необходимо, но я видел в его глазах недовольство. Чувствуя его колебания, я попытался вновь словить запястье брата, но от боли остановился. В этот раз он коснулся моей руки. Спустя несколько мгновений и невероятное количество мыслительных процессов Хёндо, наконец, сдвинулся с места и стал отстёгивать мои ноги и оставшуюся руку. Когда все ремни были сняты, парень обхватил мои пальцы, после чего аккуратно обнял и помог сесть. Всё ещё сжимая меня в объятиях, он тихо, но серьёзно попросил:

— Я больше не буду тебя связывать, но, пожалуйста, дай мне одно обещание.

Его голос был как хороший горячий шоколад: сладкий, но оставляющий нотки горечи на языке. В моей руке что-то появилось. Что-то твёрдое и холодное. Я опустил заинтересованный взгляд и увидел то, чего передо мной не появлялось с момента «вилочного инцидента», — нож. Брат продолжил сжимать мою руку с ножом, когда поднёс лезвие к своей шее.

— Если захочешь причинить боль, используй меня.

Я застыл.

Клинок был готов вот-вот впиться в его кожу. Я попытался расслабить пальцы, но Хёндо не давал. От усилий моя рука тряслась, но нож всё так же оставался на месте.

— Можешь убить меня.

После этих слов я резко отдернул руку. Выскользнувший от испуга из моих пальцев нож со звоном упал на пол. В это же время мою ладонь отпустили. Порез был совсем крохотным, но кровь всё равно пошла. Я подполз к Хёндо и закрыл рану ладонью. Рука нещадно дрожала.

Брат накрыл мою ладонь своей и оставил на костяшках пальцев лёгкий поцелуй. В это же время другая его рука потянулась к моей щеке. Сейчас я скорее видел перед собой детёныша какого-нибудь зверя, который метался и искал внимания, одновременно игривый и искренне нуждающийся в заботе.

— Я выдержу все испытания и переживу любую боль. Что бы ты ни презирал, я хочу всё взять на себя.

Я лишился дара речи.

Как я не мог понять его действий, так и Хёндо не мог поставить себя на моё место. Мне было невыносимо видеть брата таким — я хотел исчезнуть с лица Земли, лишь бы не чувствовать этого... Я ухватил брата за волосы и потянул вниз, без особого труда укладывая крупную

фигуру на койку. Еле шевеля ещё слабо функционирующим телом, я залез на брата сверху. За всё это время он не выказал ни малейшего недовольства.

«Наверное, сейчас ты бы остался спокоен, даже если бы я начал тебя душить».

— Брат, как твои ноги? Ты так резко...

— Кан Хёндю.

<http://bllate.org/book/12990/1143887>